

ПУБЛИКАЦИИ

Н. В. СВЕРКУНОВА

кандидат философских наук,
администрация г. Иркутска

СИБИРЬ В РОССИИ

В последние годы появляется множество проблем, как будто ранее не существовавших. Одни резко бросаются в глаза, о них говорят все. Другие будто бы менее заметны, но если над ними задуматься, то они также оказываются очень значимыми.

Например, выясняется, что для каждого человека важно не быть один на один с миром, а ощущать себя членом каких-либо групп: моей семьи, моего государства, людей моей национальности. В социологии все это объединяется в проблему идентичности, к которой можно подойти со многих сторон и которая очень актуальна сейчас в большинстве государств мира.

Во-первых, в процессе глобальных научно-технических и информационных изменений происходят унификация национальных культур, стандартизация образов жизни, и этому противостоят многие страны, отстаивающие свое культурное своеобразие — культурную идентичность.

Во-вторых, правящие элиты западных стран тщательно изучают, анализируют и учитывают глобальные идентификационные характеристики наций при выработке стратегических приоритетов национальной политики и ее воплощении в жизнь.

В-третьих, во многих странах специально разрабатываются социокультурные образцы, стереотипы действий, поведения, общения для населения, идентификационные концепции, которые должны помогать развитию стран в предполагаемом нужном направлении. Особенно активно такая работа ведется, например, в Японии.

В-четвертых, проблема чрезвычайно обостряется в тех государствах, которые переживают кризис, и это в первую очередь касается России. Мы переживаем не только экономический кризис, но еще кризис идентичности, и не менее, а может быть даже и

более, тяжелый. Отсутствие четкой национальной и государственной идеи, ценностная дезорганизация во многих сферах жизни, потеря нравственных ориентиров и, как следствие (что фиксируют социологические исследования), — высокий уровень психологического напряжения, дискомфорт в общем состоянии людей.

Сегодня важны любые идеи, которые могут объединить население страны. Исчезла общность «советский народ». А ведь было просто: каждый ощущал себя представителем этой общности, которую считал важной и значительной. И сейчас в поисках опоры мы стремимся точнее определить социальные и психологические рамки своего существования. Через расширение индивидуальных границ личность ищет успокоение и устойчивость. Короче говоря, социокультурная идентификация лежит в основе стабильности функционирования общества и государства, а идентичность является существенным фактором в объединении людей.

При ослаблении гражданской идентичности на первый план выходят другие идентичности, например этническая: всплеск национального самосознания малых народов России это сегодня и демонстрирует.

Но есть еще идентичность и региональная. Да, роль регионов сегодня возрастает. Да, население разных регионов (подразумеваются не регионы — субъекты Федерации, а регионы в географическом, более широком понимании) имеет свои особенности, которые отражены в материальной, духовной культуре, менталитете. Но лишь население такой территории, как Сибирь, может претендовать не просто на региональную идентичность, но и на особую региональную общность, которая формировалась в течение 300 лет ее освоения и экономического, а также культурного развития.

И может быть, сегодня мы переживаем последний период, когда еще можно обратиться к тем вещам, которые выработались исторически, имманентно присутствуют в ментальности миллионов людей, ведь обращение к свойствам народа, характерным для него в прошлом и закрепившимся в качестве наиболее удачных адаптивных способов поведения, может сыграть положительную роль и сегодня. Ученые считают, что любой цивилизационный слом, разрушение национальных, культурно-исторических традиций завершается либо гибелью общности, либо всеобщей катастрофой как реакцией самозащиты национальной общности.

И наконец, естественен вопрос, а как сами сибиряки относятся к сибирской идентичности, может быть, сегодня ей нет места

в обществе
что есть. 7
2001 гг., 64
титься к та

Итак, в
ри? Были ли
население
стью и ощу
биряк» в се
проживани

О Сиб
щих труд
советский
в историче

А ведь
«другая стр
ловием, ле
рым — ее
2/3 терри
ков, ее выр
Г. Н. Потан
бирской об
но без дол
стей. Он пи
рии России
не чувство
Сибири, ка
сией, собс
кий органи
организма
же время
собой про
ментом дл
одни и те
ки»¹. Деят
ные черты
Сибирь, по
она только
небытия».
существов
летия. Суц

в общественном самосознании жителей региона? Оказывается, что есть. 75,3% участников опроса (Иркутская область, 1995 и 2001 гг., 643 опрошенных) по этой проблеме ответили, что обратиться к такой теме надо.

Итак, в чем же состоят социокультурные особенности Сибири? Были ли они вообще и что представляют сейчас? Ощущало ли население этой северо-восточной окраины России себя общностью и ощущает ли в настоящее время? Включает ли понятие «сибиряк» в себя только принадлежность к географическому месту проживания или означает нечто большее?

О Сибири накоплено много знаний. Только вот обобщающих трудов о своеобразии населения Сибири вы не встретите. В советский период не поощрялось изучать и выделять особенное в историческом развитии регионов.

А ведь в сознании населения России начиная с XVI в. Сибирь — «другая страна». Географическая удаленность была первым условием, лежащим в основе формирования такого взгляда. Вторым — ее величина, ведь Сибирь и Дальний Восток занимают до 2/3 территории России. В XIX в. появилась и идеология сибиряков, ее выразителями стали деятели областнического движения. Г. Н. Потанин видел и третью особенность формирующейся сибирской общности — ее многонациональную составляющую, но без доминирования интересов определенных национальностей. Он писал: «Сибирь слишком большой придаток к территории России; русские люди, обитающие на этом придатке, не могут не чувствовать, что они живут в особых условиях. У территории Сибири, как ни сходна она во многих чертах с Европейской Россией, собственно с северной ее частью, все-таки свой физический организм, и люди, живущие в зависимости от этого особого организма, должны чувствовать солидарность между собой и в то же время чувствовать, что эта солидарность связывает их между собою прочнее, чем с жителями других областей империи. Цементом для такого сплочения областных жителей могут служить одни и те же культурные интересы без национальной подкладки»¹. Деятели областнического движения обозначили и основные черты сибирской общности, определяющие ее самобытность. Сибирь, по их мнению, это край докапиталистических отношений, она только с начала XX в. стала выходить из «экономического небытия». Сибирь — это крестьянская общность, отмечалось отсутствие здесь дворянства и пролетариата даже в начале XX столетия. Существенными чертами общественной жизни и нравов

в Сибири были демократизм, большая роль «народных» начал, длительный период ощущения «особенности» у населения Сибири («сибирство» как нравственно-общественное целое), наличие ассимиляционных процессов среди народов, проживающих здесь. Но областники не считали появление фиксированности сибирской самобытности комплексом суждений, созданных именно ими. Г. Н. Потанин и само возникновение областнического движения объяснял лишь необходимостью выражения интересов всего населения Сибири образованными местными интеллигентами.

Никаких социально-экономических особенностей Сибири на сегодня не осталось. Все как везде. Разве что материальное благосостояние населения пониже, инфраструктура победнее, да экология похуже. Осталась только память — и не только в предметах материальной культуры, архивах, истории. Осталась генетическая память во многих из нас, и она дает о себе знать в почти неуловимых оттенках бытия, что запечатлевается, но не просто фиксируется.

Своеобразие сибирского населения еще сто лет назад видели многие. В фундаментальном издании «Азиатская Россия», вышедшем в 1914 г. и посвященном успехам колонизации на востоке, отмечалось, что «коренное население азиатских владений империи, состоящее из потомков завоевателей и первых засельщиков, несет на себе глубокие следы своего прошлого, существенно и во многих отношениях отличающего его от коренного населения Европейской России»². В публикациях того времени даже шла речь об особенном этнографическом типе сибиряков. Историк П. Головачев считал, что этот тип, как тогда говорили, «сибирянина», начал складываться в середине XVII в. Последним (и на этом прервалась не только научная интерпретация проблемы, но и публицистическая), кто об этом писал (в 1923 г.) был сибирский библиограф и краевед П. Казаринов.

Исследуя архивные, научные, литературные источники прошлого столетия, можно составить представление о том, как виделся сибиряк своим землякам, а также приехавшим в этот край людям.

В первой половине XIX в. описания сибиряков были почти только положительными. Информаторы первой половины этого столетия часто отмечали такие качества местных жителей, как милосердие, гостеприимство, хлебосољство, миролюбие, религиозность, нравственность. Статский советник И. Пестов писал в 1831 г.: «Нравы коренных жителей весьма кротки, благонравны

и гостеприим-
во, рады ра-
гостей в зна-
благодарить
вольство, а
от ссор, вес-
народ чело-
окруженные
сти с ними в

Далее, ч
уклад насел
рятность, тр
сали приезж
«Но откуда
чистота и оп
никакого со
цитата из во
называл опр

Следую
ри в этот пер
дникам. «Си
ском кресты
пишет о сво
губернии С

Наконец мени прохождение собств
ность. Дека
далее мы
глазах моих
смышленее
более пони
своими»⁷. Т
ряках други
ской духовно
очень даров
независимы
были свойст

Во второй публикации
публикаций
выдвинулись

и гостеприимны: они каждого приезжающего принимают ласково, рады разделить с ним, что имеют последнее, и даже кто из гостей в знак благодарности за таковой прием и угощение будет благодарить деньгами, то сим навлечет хозяину и на себя недовольство, а деньги не примутся... Сибиряки... всегда удаляются от ссор, весьма редко впадают в преступления, словом сказать: народ человеколюбивый и снисходительный, за всем тем, что они окруженные ссыльно-преступниками, находятся по необходимости с ними в сношении»³.

Далее, чертами, характеризующими уже больше жизненный уклад населения края того времени, можно назвать чистоту и опрятность, трудолюбие и зажиточность. Об этом очень часто писали приезжающие в Сибирь, некоторые с крайним удивлением. «Но откуда взялась эта всеобщая, до педантизма простиравшаяся чистота и опрятность, это поистине непонятно. Край этот не имел никакого сообщения с западным цивилизационным миром»⁴. Это цитата из воспоминаний декабриста А. Беляева. И. Завалишин называл опрятность «коренной добродетелью сибиряков».

Следующая группа черт, которыми наделяли жителей Сибири в этот период: насмешливость, юмор, веселость, любовь к праздникам. «Сибиряк смотрит бодро, весело», — замечает о сибирском крестьянине П. А. Кропоткин⁵. «Они остры и смешливы», — пишет о своем подначальном населении губернатор Енисейской губернии Степанов⁶.

Наконец, через многие письменные свидетельства того времени проходят упоминания о таких качествах сибиряков, как чувство собственного достоинства, независимость, самостоятельность. Декабрист Н. В. Басаргин отмечал в своих записках: «Чем дальше мы продвигались в Сибири, тем более она выигрывала в глазах моих. Простой народ казался мне гораздо свободнее, смысленнее, даже и образованнее наших русских крестьян... Он более понимал достоинство человека, более дорожил правами своими»⁷. Такое говорилось не только о крестьянах, но и о сибиряках других сословий. Например, сибиряки-студенты Казанской духовной академии, по словам Рождественского, «были люди очень даровитые и отличались характером смелым и прямым ... независимым и настойчивым»⁸. «Независимость и либерализм» были свойственны и для сибирского купечества.

Во второй половине XIX в., особенно в конце его, когда публикаций о сибиряках стало гораздо больше, на первый план выдвинулись другие, как бы типичные, характерные черты оби-

тателей Сибири. После описаний сибиряка А. П. Щаповым, затем Н. М. Ядринцевым обычным стало видеть жителей края грубоватыми и диковатыми. Теперь считалось, что «влияние сибирской природы и полудиких сибирских племен» придало сибиряку простоватости, рассудительности, любопытства, неразвитости высших человеческих чувств... В 1898 г. жителя Сибири описывает Д. Н. Беликов: «Условия в угрюмой и холодной стране среди лесов, болот и степей сделали сибиряка — томского крестьянина — сосредоточенным в себе, молчаливым и угрюмым. Постоянное оглядывание по сторонам на опасности от внутренних и внешних врагов выработали в томиче-старожиле сметливость, но с нею хитрость и затаенность. В здешнем крестьянстве едва ли найдутся типы таких задушевных простачков, какие мы встречаем в центральной России... Постоянная борьба с дикой и суровой природой выработала в томском простолюдине сильный крепкий организм, выносливый к какой угодно работе и бесспорно жизнеспособный. Но духовной стороной в жизни и быте томича в прежнее время не занимался никто. И удивительно ли, что на далекой окраине нашего отечества русский человек так сильно огрубел»⁹.

Вот такой суровый образ сибиряка как стереотип обитателя Сибири и утвердился в массовом сознании населения России в то время.

Будет интересным привести три характеристики сибиряка, которые оставили люди не случайные, но пытавшиеся систематизировать свои взгляды на жителей Сибири. Д. Клеменц, этнограф, писал, что сибиряк — это, во-первых, человек предприимчивый, в нем хорошо выработалась привычка полагаться на себя. Во-вторых, сибиряк трудолюбив, так как ему надо было беспрестанно трудиться то на пашне, то на промыслах. В-третьих, он любознателен и уважает людей знания. Таким тоже сделала его жизнь, когда надо было постоянно искать выходы из необычных ситуаций, приноравливаться к новой среде и незнакомой природе. В-четвертых, он суров и может быть жестким человеком, но таким его опять-таки сделали своеобразные условия жизни. В-пятых, он старается быть богатым, но не скуп, богатство ему нужно, чтоб им пользоваться, удовлетворять свое честолюбие. В-шестых, сибиряк обладает расовой непредубежденностью, видит в инородце человека, водит с ним хлеб-соль, заимствует кое-что.

П. А. Ровинский, также этнограф, считал, что сибиряк щедрый человек, не скопидом. У сибиряка нет качеств торгаша. Он

гостеприимен. Сибиряки

Л. Я. Б.

что духовно и ярко, сибирской тоской, болью, сибирской целеустремленностью, умеет хотеть, практически ни с Обломовым, установивший гранный, демократиче

Уже в

нием которого остановит причин св

Первы

о «новообращенную» пред что эта на мени», ко ния славя ского обл такую точ кого насе окраинам это распр ческая кр она не бы ми. Поэт сформир

Друг ность кул рактерис тории, гд ренному и сознани оставлен «Это Рус

гостеприимен, любит хорошо поесть и попить. Сибиряк чист и опрятен. Сибиряк религиозен.

Л. Я. Елпатьевский, многие годы проживший в Сибири, писал, что духовный облик жителя Сибири успел сложиться определенно и ярко. Сибиряк менее сложен, чем русский, в нем мало русской тоски, русской мечты, русского раздумья и русского сердоболья, сибиряк не Гамлет и не Дон-Кихот. Сибиряк — человек целеустремленный, он знает, чего хочет, он жилистый, крепкий и умеет хотеть и может мочь. У сибиряка огромная тяга к знанию, практическому делу, он не имеет ничего общего ни с Онегиным, ни с Обломовым, но близок Базарову и Инсарову. Сибиряк не устанавливает граней между разноплеменными людьми, он безграничный, он внациональный, он только областник. Сибиряк демократичен, не трепещет перед властью.

Уже в то время называлось множество факторов, под влиянием которых формировалась сибирская субкультура. Нельзя не остановиться на двух разных подходах в поиске определяющих причин своеобразия сибирского населения.

Первый подход отличается тем, что в основе его лежала мысль о «новообразующейся сибирской народности». Такую концепцию представил в своих статьях историк А. П. Щапов. Он писал, что эта народность есть «природная ветвь славяно-русского племени», которая образуется в большей степени в процессе слияния славян с коренными народностями Сибири. Деятель сибирского областного движения Н. М. Ядринцев поддерживал такую точку зрения. Он писал: «Врезавшись в среду инородческого населения, русские преимущественно обынородчивались по окраинам и от окраин, в большей или меньшей степени, влияние это распространялось на всю массу населения, так что инородческая кровь окрашивала русскую национальность даже там, где она не была в непосредственном соприкосновении с инородцами. Поэтому из русского населения на Востоке должен был сформироваться новый тип»¹⁰.

Другая точка зрения предполагала, что некоторая самобытность культуры населения Сибири во многом определялась характеристиками самих русских вследствие отдаленности территории, где они обосновались. Возможно, приверженность внутреннему духу русской культуры придавала особую окраску быту и сознанию сибиряков-старожилов. Некоторые образы Сибири, оставленные путешественниками, дают право так предполагать. «Это Русь широкая, привольная. И поэтому такая щедрая и гос-

теприимная, которая угощает не считая и не отмеривая... Большое село всегда красится белокаменной церковью... Это все еще Русь — старинная, благочестивая, кланяющаяся и просящая Христа ради... В говоре вы слышите или новгородское оканье, или московский говор свысока. Многие слова напоминают глубокую старину, как : лонись (в прошлом году), пошто (зачем), сарынь (дети)»¹¹.

Историк П. А. Словцов еще в первой трети XIX в. отмечал русский характер и заселения, и быта жителей Сибири, наличие в этом крае остатков старины и «наследства устюжского, протеческого». В конце XIX в. исследователь сибирского крестьянства С. Я. Капустин писал, что «сибиряк-крестьянин представляется тем русским человеком, каким он был в России древле, до появления кабалы, холопства, крепостного права. Природные свойства русского земледельца, с которых Сибирь сняла тяготеющие их узы, получили здесь только свободное развитие, ничего в корне различного не вышло, да и не могло выйти»¹². С. Я. Капустин считал, что сибирское крестьянство — это здоровое ядро русского крестьянства, что в сибирском крестьянине открываются потенциальные возможности развития русского человека, которые в последнем скрыты.

С. Я. Елпатьевский не увидел в сибиряке «русской тоски», «русской мечты», «русского раздумья», «русского сердоболья». Но может быть, все эти качества во многом есть результат травмирования национального русского сознания двумя веками крепостничества, и вся накопившаяся боль от сковывавшей неволи и несправедливости и выплеснулась в XIX в. в художественную культуру, став неотъемлемой чертой так называемой «русской души»?

Может быть, «практичность», «целеустремленность», «предприимчивость», «тяга к знаниям», «демократичность» и есть настоящие черты русского человека, сохранившиеся актуализированными в сибиряке? Так, М. В. Петрашевский, довольно долго живший в сибирской ссылке, считал, что Сибирь заменит настоящую Россию, что в ней-то и возникает русская народность.

Уместно, на наш взгляд, привести высказывания о типе русского человека современного философа В. Ф. Шаповалова, который считает, что тип личности, надолго определивший развитие российской цивилизации, оформился под влиянием «византизма». «Этот тип оказался исключительно приспособленным к условиям России, в том числе к ее природно-климати-

ческим ос
мя состоя
в том, что
дость душ
тяжкий кре
(ни в кое
первонач
рованной
ным»¹³. Че
утонченно
исключаю
зывается
его глаза
ние долга
условиях
обстоятел
этничен»
нинского
ства, стал
лов солид
зантиец»
ну образи

Земл
XVI–XVII
зантыйца»
В. Ф. Шап
положить,
оказывали
жал остав
добный ти
только в п
где жило
вплоть до

И тогд
что Сибир
смысл. А
еобразно
ющих Рос
Необ
землю —
ливость —

ческим особенностям, в которых задача человека долгое время состояла не в том, чтобы обустроиться комфортабельно, а в том, чтобы выжить. Характерной чертой его является твердость душевной структуры, готовность до конца нести свой тяжкий крест перед лицом испытаний, своеобразная «упертость» (ни в коем случае не в уничижительном смысле), связанная первоначально, конечно, с ортодоксальностью веры, ориентированной на то, чтобы «хранить христианство неповрежденным»¹³. Человек такого типа настроен на аскетизм, жизненная утонченность не является его стихией, прямота и упрямство не исключают изобретательности и даже лукавства, того, что называется «быть себе на уме»; празднословие не является в его глазах достоинством. Жизнь понимается им как исполнение долга, как служение, как труд и дело. Живя в трудных условиях, он обрел привычку полагаться на себя, считая, что обстоятельства чаще против, чем за него. Этот человек «сверх-этничен» и «сверх-национален». Но начиная с послеекатерининского времени этот тип вытеснился из верхних слоев общества, стал встречаться лишь в народных низах. В. М. Шаповалов солидарен с К. Леонтьевым, у которого также мужик-«византиец» противостоял европеизированному русскому барину образца XIX в.

Землепроходцы и поселенцы, прибывавшие в Сибирь в XVI–XVII вв., вероятно, и представляли этот тип русского «византийца». Ведь во многих чертах личности, представленной В. Ф. Шаповаловым, называются черты сибиряка. Можно предположить, что люди, переходившие через Югорский камень, Урал, оказывались в природных условиях, где «византизм» продолжал оставаться каркасом личности. И если, действительно, подобный тип личности в Европейской России позднее встречался только в простонародье, то вполне естественно, что в Сибири, где жило только простонародье, он был распространенным вплоть до XX в.

И тогда высказывание современных интеллектуалов о том, что Сибирь есть подсознание России, имеет вполне определенный смысл. А поэтому можно предположить, что этот край стал своеобразной кладовой разных личностных качеств людей, населяющих Россию.

Необходимо было заселить холодную, не совсем уютную землю — и являлись выдержка, твердая воля, упорство и выносливость — качества, которыми наделяли сибиряка.

Необходимо было защитить Родину — и обнаружилось мужество сибиряков в годы Великой Отечественной войны. Ведь известно, что сибиряки стояли насмерть под Москвой и Сталинградом, 14 из 15 сибиряков не вернулись с фронта, а гвардейские дивизии в конце войны на треть состояли из сибиряков.

Пришло время серьезно говорить о нравственности — и мы услышали слово сибирских писателей...

Конечно, исследовать региональный менталитет чрезвычайно трудно, да еще такого края, как Сибирь. Приходится использовать записки о населении Сибири зачастую людей проезжих, ведь жители этой северо-восточной окраины России в старые времена были непишущими — в крестьянской среде редки были обращения к мемуарам, дневникам, письмам, поэтому сохранилось мало источников с описаниями своей жизни самих сибиряков, простых земледельцев. Но тема сибирской идентичности активно обсуждалась.

Сегодня эта тема не затрачивается. Мы завалены со стороны рекламы и СМИ эпитетами «сибирский», но о качественном содержании его никак не говорим. Что-то чувствуем, но оставляем невысказанным. И служит слово всего лишь определителем географического местообитания.

Правда, в избирательных кампаниях высок рейтинг слова «сибирский», оно помогает завоевывать эмоциональную сферу электората и направленно воздействовать на чувство местного патриотизма.

В 1901 г. С. Я. Елпатьевский писал о том, что предугадать будущую эволюцию Сибири очень сложно, но можно думать, что «основные черты сибирского лица» останутся теми же.

Итак, что же сегодня можно сказать об «основных чертах сибирского лица»?

Ученые к этой теме почти не обращаются. Этнографы в 1980–1990 гг., изучавшие население Среднего Прииртышья, например, отмечают «многоуровневость этнического сознания» части жителей этого района, которые не только идентифицируют себя по национальной принадлежности, но называют себя еще и сибиряками.

Интересно, что если в начале XIX в. жителям Сибири придавались свойства из списка положительных типичных качеств русских людей вообще, если в конце этого столетия сибиряк обозначался в грубовато-унылом таежном ракурсе, то в веке XX при всем том, что о типе сибиряка уже и не говорится, появилось понятие «сибирский характер».

81,2%

ангарье сч
новные его
желательн
денность
немногосл
уравновеш

Более
с «сибирск
селения эт
что и сам я
ной мере»

Интер
ставители
кам относ
крае, но д
старшее п
блему, чел

На нац
региональ

Во-пер
ние опира
вательном
ческой па

Во-вто
она осозна
ление к се
принимаю
региональ
торая в на
женность,

В-трет
мое главн
гические
для людей

В сове
вития недо
ных пробл
опыт друг
об одном
плодотво

81,2% участников опроса о сибирской идентичности в Приангарье считают, что «сибирский характер» существует. Вот основные его качества: выносливость, упорство, честность, благожелательность, искренность, прямоту, расовая непредубежденность, демократизм. Кроме того, сибиряки трудолюбивы, немногословны, терпеливы, это люди нескупые, непродажные, уравновешенные, сдержанные, «не поддерживающие распри»...

Более половины опрошенных верят в то, что жителей Сибири с «сибирским характером» больше половины современного населения этого края, причем каждый второй респондент считает, что и сам является обладателем «сибирского характера» «в полной мере».

Интересно, что настоящими сибиряками считают себя представители самых разных национальностей. К настоящим сибирякам относят себя и многие из тех людей, кто не родился в этом крае, но долго здесь живет. И видимо, вполне закономерно, что старшее поколение более активно готово обсуждать эту проблему, чем младшее.

На наш взгляд, сегодня необходимо обращение к сибирской региональной идентичности как к фактору культурной политики.

Во-первых, это шанс объединения людей, причем объединение опирается на стремление людей обратиться к чему-то основательному, важному, не чуждому, имеющему место в генетической памяти.

Во-вторых, это приемлемо политически. Когда жители региона осознают себя сибиряками, то здесь не просматривается стремление к сепаратизму, так как без России сибиряки себя не воспринимают. Региональная сибирская идентичность является именно региональной, территориальной. Этническая составляющая, которая в наши дни так часто продуцирует национальную напряженность, уходит на второй план, что также сегодня очень важно.

В-третьих, обращение к региональной идентичности, и это самое главное, актуализирует положительные социально-психологические черты, духовный настрой, которые были свойственны для людей Сибири.

В советское время в разработках программ культурного развития недопустимо мало внимания обращалось на множество важных проблем. Но почему сейчас наблюдается то же самое? Ведь опыт других стран, материалы и выводы мировой науки говорят об одном: только опираясь на национально-культурный тип, можно плодотворно строить свое дальнейшее существование.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибири, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 261–262.
- ² Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1908. Т. 1. С. 178.
- ³ Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири: 1831. М., 1833. С. 286.
- ⁴ Беляев А. Воспоминания декабриста. О пережитом и пережитом (1805–1850). СПб., 1882. С. 209.
- ⁵ Кропоткин П. А. Письма из Восточной Сибири. Иркутск, 1983. С. 46.
- ⁶ Степанов. Енисейская губерния. В 2 ч. СПб., 1835. С. 103.
- ⁷ Басаргин Н. В. Воспоминания. Рассказы. Статьи. Иркутск, 1988. С. 117–118.
- ⁸ Козьмин Н. Н. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910. С. 112.
- ⁹ Беликов Д. Н. Первые русские крестьяне — насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта // Научные очерки Томского края. Томск, 1898. С. 112.
- ¹⁰ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 94.
- ¹¹ Ровинский П. А. Очерки Восточной Сибири // Древняя и новая Россия. 1875. № 2. С. 209.
- ¹² Капустин С. Я. Очерки порядков поземельной общины в Тобольской губернии (по сведениям, собранным Западно-сибирским отделом Императорского русского географического общества) // Литературный сборник (собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке). СПб., 1885. С. 61.
- ¹³ Шаповалов В. Ф. Неустрашимость наследия // Социологические исследования. 1995. № 2. С. 54.

Эко
Необы
и народа
причинами
мации об
мысли
ловливает
дения по
ление про
Тема у
ученых Са
экономики
рицкого, к
тория экон
попала в с
ния либо у
понятно —
1920-х гг.
шейся мо
вой эконо
го переро
что в 1930
падных кн
мистов ру
ческой из
тилетий су
шесть део